

**ЮЛІЯ
ДРУШІНА**

**МИР
ПОД
ОЛИВАМИ**

Юлия Друнина

МИР ПОД ОЛИВАМИ

лирика

Памяти СЕРГЕЯ ОРЛОВА

Стихотворения

* * *

Пора наступила признаться —

Всегда окрыляло меня

Сознание того, что в семнадцать

Ушла в эпицентр огня.

Есть высшая гордость на свете —

Прожить без поблажек и льгот,

И в радости и в лихолетье

Делить твою долю, народ...

Живу, не гонясь за удачей,

Шумихи боясь как огня.

Пегас мой — надежная кляча,

Всегда он прокормит меня.

Мне, честное слово, не надо

И нынче поблажек и льгот.

Есть высшая в мире награда —

В тебе раствориться, народ.

* * *

Еще без паники встречаю шквал,

Еще сильны и не устали ноги —

Пусть за спиной остался перевал

И самые прекрасные дороги.

Я до сих пор все открываю мир,

В нем новые отыскиваю грани.

Но вспыхивает в памяти пунктир,

Трассирует пунктир воспоминаний...

ЕЛКА

На Втором Белорусском

Еще продолжалось затишье,
Шел к закату короткий
Последний декабрьский день.
Сухарями в землянке
Хрустели голодные мыши,
Прибежавшие к нам
Из сожженных дотла деревень.

Новогоднюю ночь
Третий раз я на фронте встречала.
Показалось — конца
Не предвидится этой войне.
Захотелось домой,
Поняла, что смертельно устала.
(Виновато затишье —
Совсем не до грусти в огне!)

Показалась могилой
Землянка в четыре наката.
Умирала печурка,
Под ватник забрался мороз...
Тут со смехом влетели
Из ротной разведки ребята:
— Почему ты одна?
И чего ты повесила нос?

Вышла с ними на волю,

На злой ветерок, из землянки.
Посмотрела на небо —
Ракета ль сгорела, звезда?..
Прогревая моторы,
Урчали немецкие танки,
Иногда минометы
Палили незнамо куда.

А когда с полутьмой
Я освоилась мало–помалу,
То застыла, не веря:
Пожарами освещена,
Горделиво и скромно
Красавица елка стояла!
И откуда взялась
Среди чистого поля она?

Не игрушки на ней,
А натертые гильзы блестели,
Между банок с тушенкой
Трофейный висел шоколад...
Рукавицею трогая
Лапы замерзшие ели,
Я сквозь слезы смотрела
На сразу притихших ребят.

Дорогие мои д'Артаньяны

Из ротной разведки!
Я люблю вас и буду
Любить вас до смерти, всю жизнь!
Я зарылась лицом
В эти детством пропахшие ветки...
Вдруг — обвал арналета
И чья-то команда:
— Ложись!
Контратака!
Пробил санитарную сумку осколок,
Я бинтую ребят
На взбесившемся черном снегу...

Сколько было потом
Новогодних сверкающих елок
Их забыла, а эту
Забыть до сих пор не могу!

ПРИНЦЕССА

Лицо заострила усталость,
Глаза подчеркнула война,
Но всем в эскадроне казалась
Прекрасной принцессой она.

Пускай у принцессы в косички

Не банты — бинты вплетены,
И ножки похожи на спички,
И полы шинельки длинны!

В палатке медпункта, у «трона»,
Толпились всегда усачи.
Принцессу ту сам эскадронный
Взбираться на лошадь учил.

Да, сам легендарный комэска
Почтительно стремя держал!
Со всеми суровый и резкий,
Лишь с нею шутил генерал.

...А после поход долгожданный,
Отчаянный рейд по тылам,
И ветер — клубящийся, рваный,
С железным дождем пополам.

Тепло лошадиного крупа,
Пожар в пролетевшем селе...
Принцесса, она ж санинструктор,
Как надо держалась в седле.

Она и не помнила время,

Когда (много жизней назад!)
Ей кто-то придерживал стремя,
Пытался поймать ее взгляд.

Давно уже все ухажеры
Принцессу считали сестрой.
...Шел полк через реки и горы —
Стремительно тающий строй.

Припомнят потом ветераны
Свой рейд по глубоким тылам
И ветер — клубящийся, рваный,
С железным дождем пополам.

Тепло лошадиного крупа,
Пожар в пролетевшем селе...
Принцесса, она ж санинструктор,
Вдруг резко качнулась в седле.

Уже не увидела пламя,
Уже не услышала взрыв.
Лишь скрипнул комэска зубами,
Коня на скаку осадив...

В глуши безымянного леса

Осталась она на века —
Девчушка, дурнушка, принцесса,
Сестра боевого полка.

БАНЯ

Я у памяти в плену,
Память в юность тянет...
По дороге на войну
Завезли нас в баню.
Мы разделись догола,
И с гражданским платьем
Жизнь гражданская ушла...
Дымно было в хате,
Там пытели чугуны,
Едим щелоком полны
(Щелок вместо мыла —
Так в те годы было).
Пар валил от черных стен,
Не моргнувши глазом,
Всех девчат
Старик туркмен
Кистью с хлоркой мазал!
Приговаривал,
Смеясь:
— Нэ смотрите строго.
«Автоматчики» у вас
Завэстись нэ смогут.

Зря ты, дэвушка, сэрдит!
Нэту, дочка, мыла... —
Вот каким в солдатский быт
Посвящение было!
Да, прелюдия войны
Прозаична малость...
Опустели чугупы,
Смыли мы усталость
И, веселые, потом
Вылетев в предбанник,
С визгом бросились гуртом
К обмундированию.
Вмиг на мокрые тела
Форму, а не платье!
Ну, подруженька, дела!
Ты не девка из села,
А лихой солдатик!
До чего ж к лицу тебе
Гимнастерочка х/б!
Мы одели щегольски,
Набекрень, пилотки!
Ничего, что велики
Чуть не вдвое башмаки,
В километр обмотки!
Все, подружка, впереди:
И медали на груди,
И другая доля —
Лечь во чистом поле...

— Стройся! На выход! —

Взвился крик.

Вышли мы из бани,

Вслед смотрел туркмен–старик

Грустными глазами.

Может, видел дочь свою...

Он сказал:

— Ее в бою

Ранило, однако.

Но нэ очень тяжело... —

И добавил:

— Повэзло... —

А потом заплакал...

ОКОПНАЯ ЗВЕЗДА

И вот она — родного дома дверь.

Придя с войны, в свои неполных двадцать

Я верила железно, что теперь

Мне, фронтовичке, нечего бояться.

Я превзошла солдатский курс наук —

Спать на снегу, окопчик рыть мгновенно,

Ценить всего превыше слово «друг»

И слову «враг», понятно, знала цену.

Изведала санбатов маету...

Одно не знала — никому не надо

Теперь мое уменье на лету,

По звуку различать калибр снаряда,

Ужом на минном поле проползать,
А если нужно — в рост идти под пули.
(В хвосте за хлебом у меня опять —
В который раз! — все карточки стянули...)
Меня соседки ели поедом:
— Раззява, растеряха, неумеха! —
Меня в свой черный список управдом
Занес, как неплательщицу, со вздохом.
Но главное, что сеяло испуг
Во мне самой и подрывало силы, —
Неясность, кто же враг тебе, кто друг;
На фронте это невозможно было...
И все-таки сейчас, через года,
Я поняла, солдаты, слава богу, —
Окопная кристальная звезда
В то время освещала нам дорогу.
И все-таки она нам помогла
Там, где житейские бушуют войны,
Не вылететь из тряского седла
И натиск будней выдержать достойно,
Уметь спокойно презирать иуд,
Быть выше злости, зависти, наживы,
Любить любовь, благословлять свой труд
И удивляться, что остались живы.

ТОГДА...

Это было сто лет назад,

Точнее, в послевоенное лето.

Только–только из старых солдат

Превратились мы в молодые поэты.

Мы были дружбе верны фронтовой

И потому богаты.

(Пусть нету крыши над головой,

Пусть нету еще зарплаты.)

— Где будешь спать?

— А зачем вокзал?

— Ну, значит, и я с тобою. —

Еще у друга полны глаза

Горячим туманом боя.

И все мы были войной пьяны,

Всем гадок был дух наживы,

Все были молоды,

Все равны

И все потому счастливы...

ВСТРЕЧА

Со своим батальонным

Повстречалась сестра —

Только возле прилавка,

А не возле костра.

Уронил он покупки,

Смяла чеки она —

Громяхая, за ними

Снова встала Война.

Снова тащит девчонка
Командира в кювет,
По слепающему снегу
Алый тянется след.
Оглянулась — фашисты
В полный двинулись рост...

Что ж ты спишь, продавщица? —
Возмущается «хвост».

Но не может услышать
Этот ропот она,
Потому что все громче
Громыкает Война,
Потому что столкнулись,
Как звезда со звездой,
Молодой батальонный
С медсестрой молодой...

НАШЕ — НАМ!

Наше — нам, юность —
юным, и мы не в обиде. С. Орлов

Пусть певичка смешна и жеманна,
Пусть манерны у песни слова, —
В полуночном чаду ресторана
Так блаженно плывет голова.
Винограда тяжелые гроздья
Превратились в густое вино,
И теперь по артериям бродит,
Колобродит, бунтует оно.
А за маленьким столиком рядом
Трое бывших окопных солдат
Невеселым хмелеющим взглядом
На оркестр и певичку глядят.
Я, наверное, их понимаю:
Ветераны остались одни —
В том победном ликующем мае,
В том проклятом июне они...
А смешная певичка тем часом
Продолжает шептать о весне,
А парнишка в потертых тыхасах
Чуть не сверстницу видит во мне!
В этом спутник мой искренен вроде,
Лестно мне и немного смешно.
По артериям весело бродит,
Колобродит густое вино.
А за маленьким столиком рядом
Двое бывших окопных солдат
Немигающим пристальным взглядом
За товарищем вставшим следят.
Ну а тот у застывшей певицы
Отодвинул молчком микрофон,

И гранатой в блаженные лица
Бросил песню забытую он —
О кострах на снегу, о шинели
Да о тех, кто назад не пришел...
И глаза за глазами трезвели,
И смолкал вслед за столиком стол.
Замер смех, и не хлопали пробки.
Тут оркестр очнулся, и вот
Поначалу чуть слышно и робко
Подхватил эту песню фагот,
Поддержал его голос клариега,
Осторожно вступил контрабас...
Ах, нехитрая несенка эта,
Почему будоражишь ты нас?
Почему стали строгими парни
И никто уже больше не пьян?..
Не без горечи вспомнил ударник,
Что ведь, в сущности, он барабан,
Тот, кто резкою дробью в атаку
Поднимает залегших бойцов.
...Кто-то в зале беззвучно заплакал,
Закрывая салфеткой лицо.
И певица в ту песню вступила
И уже не казалась смешной...
Ах, какая же все-таки сила
Скрыта в тех, кто испытан войной!

Вот мелодия, вздрогнув, погасла,
Словно чистая вспышка огня.

Знаешь, парень в современных техасах,
Эта песенка и про меня.
Ты грядущим, я прошлым богата,
Юность — юным, дружок, наше — нам.
Сердце тянется к этим солдатам,
К их осколкам и к их орденам.

МОЙ КОМИССАР

Не в войну,
Не в бою,
Не в землянке санзвода —
В наши мирные дни,
В наши мирные годы
Умирал комиссар...
Что я сделать могла?
То кричал он в бреду:
— Поднимайтесь, ребята! —
То, в сознание придя,
Бормотал виновато:
— Вот какие, сестренка, дела...

До сих пор
Он во мне еще видел сестренку —
Ту, что в первом бою
Схоронилась в воронку,
А потом стала «справным бойцом»,

Потому что всегда впереди,
Словно знамя,
Был седой человек
С молодыми глазами
И отмеченным шрамом лицом.

След гражданской войны —
Шрам от сабли над бровью...
Может быть, в сорок первом,
В снегах Подмосковья
Снова видел он юность свою
В угловатом, застенчивом,
Дерзком подростке,
За которым тревожно,
Внимательно, жестко
Все следил краем глаза
В бою...

Не в эпохе,
Военным пожаром объятай,
Не от раны в бою —
От болезни проклятой
Умирал комиссар...
Что я сделать могла?
То кричал он, забывшись:
— За мною, ребята! —
То, в себя приходя,
Бормотал виновато:

— Вот какие, сестренка, дела...

Да, солдаты!

Нам выпала трудная участь —

Провожать командиров,

Бессилим мучась.

Может, это больней,

Чем в бою...

Если б Родину вновь

Охватили пожары,

Попросила б направить меня

В комиссары,

Попросилась бы

В юность свою!

* * *

На полыни водку настояла,

Позвала товарищей — солдат.

Нас осталось мало, очень мало.

А года ракетами летят...

Мы счастливые, конечно, люди:

Встретили победную зарю!

Думаю об этом как о чуде.

Сотни раз судьбу благодарю...

Ну а те, кто не дошел до Мая,

Кто упал, поднявшись в полный рост?..

Первый тост за павших поднимаю,

И за них же наш последний тост,

Сдвинем рюмки, плечи тоже сдвинем,

Пусть руки касается рука.

...Как горька ты, водка на полыни,

Как своею горечью сладка!

КОРОВЫ

А я вспоминаю снова:

В горячей густой пыли

Измученные коровы

По улице Маркса шли.

Откуда такое чудо —

Коровы в столице? Бред!

Бессильно жрецы ОРУДа

Жезлы простирали вслед.

Буренка в тоске косила

На стадо машин глаза.

Деваха с кнутом спросила:

— Далече отсель вокзал? —

Застыл на момент угрюмо
Рогатый, брюхатый строй.
Я ляпнула не подумав:
— Вам лучше бы на метро! —

И, взглядом окинув хмуро
Меня с головы до ног,
— Чего ты болтаешь, дура? —
Усталый старик изрек.

...Шли беженцы сквозь столицу,
Гоня истомленный скот.
Тревожно в худые лица
Смотрел сорок первый год.

* * *

Всю жизнь
От зависти томиться мне
К той девочке,
Худящей и неловкой —
К той юной санитарке,
Что с винтовкой
Шла в кирзачах громадных
По войне.

Неужто вправду ею я была?..

Как временами

Мне увидеть странно

Солдатский орден

В глубине стола,

А на плече

Рубец солдатской раны!

* * *

Встречая мирную зарю

В ночной пустыне Ленинграда,

Я отрешенно говорю:

— Горят Бадаевские склады...

И спутник мой не удивлен,

Все понимая с полуслова,

Пожары те же видит он

В дыму рассвета городского.

Вновь на него багровый свет

Бросает зарево блокады.

Пятнадцать, тридцать, сотню лет

Горят Бадаевские склады...

«ПИОНЕР-БОЛЬШЕВИК»

Этот холм невысок, этот холм невелик.

Похоронен на нем «пионер–большевик» —

Да, на камне начертано именно так...

Здесь всегда замедляют прохожие шаг,

Чтобы вдуматься в смысл неожиданных слов,

Чтобы вслушаться в эхо двадцатых годов.

Хоронили горниста полвека назад,

Молчаливо шагал пионерский отряд.

Барабанная дробь. Взлет прощальной руки.

Эпитафию вместе сложили дружки:

«Пионер–большевик, мы гордимся тобой —

Это есть наш последний и решительный бой!»

Отгремели года, отгорели года.

Человек на протезе приходит сюда —

Партизанил в войну комсомольский отряд,

Лишь один партизан возвратился назад.

Возвратился один, и его ли вина,

Что порой без могил хоронила Война?..

Потому и приходит, как перст, одинок,

Он на холм, где лежит

Школьный старый дружок —

Тот, кого подстерег злой кулацкий обрез...

Гаснет день. Заливаются горны окрест.

Искры первых костров светлячками летят —

Как полвека назад, как полвека назад.

И о холм ударяется песни прибой:

«Это есть наш последний и решительный бой!»

* * *

Пусть были тревожны сводки —

Светили в ночи тогда

Мне звездочка на пилотке,

На башне Кремля звезда.

И, стиснув до хруста зубы,

Я шла на Большой Войне,

Пока не пропели трубы

Победу моей стране.

Три с лишним десятилетия

Уже не грохочет бой,

Но с прежнею силой светят

Те звезды в ночи любой —

На башне и на пилотке.

Их светом озарены,

Мне в сердце приходят сводки

С далекой Большой Войны.

ЧЕРНЫЙ ЛЕС

Только буки да грабы,
Только грабы да буки
Тянут к солнцу
Сплетенные намертво руки.
Черный лес,
Обжигающий холодом лес,
Под шатром
Добела раскаленных небес.
Тишина.
Только ветра
Притушенный ропот.
Тишина.
Заросли партизанские тропы,
Заросли держидеревом и купиной.
Тишина.
Отчего же здесь веет войной?
Отчего эти старые грабы и буки
Заломили свои узловатые руки?
Отчего даже в светлый напев ручейка
Заронила гнетущую ноту тоска?..
А в глубоком ущелье,
У быстрой воды,
Обелиск со звездой
Да землянок следы.
То с Великой Войны
Запоздавшая весть —
Партизаны свой госпиталь
Прятали здесь.

Только буки да грабы,
Только грабы да буки,
Защищая, простерли над лагерем руки.
В черном море деревьев
Горя горького остров —
Косит раненых смерть,
Еле держатся сестры.
И, губами распухшими чуть шевеля,
Здесь тебя призывают,
Большая земля!..
Раз в ночи,
Когда месяц стоял в карауле,
То ли свистнула птица,
То ли чиркнула пуля.
И сейчас же,
Во все прокопченное горло,
Хрипло рявкнула пушка,
Громко охнули горы.
И тогда, задыхаясь от радостных слез,
— Наши! — крикнул слепой обгоревший матрос.
Но, узнав пулемета нерусского стук,
Вдруг рванулся куда-то
Разведчик без рук,
Вдруг рванулась куда-то
Связистка без ног,
И заслон медсестер самым первым полег...
Только буки да грабы,
Только грабы да буки
Здесь остались, дрожа от бессилья и муки,
Только плачут холодные капли дождя,

Только люди бледнеют, сюда забредя.
Черный лес,
Партизанский обугленный лес
Под сияющим куполом южных небес...

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЖИЗНЬ...

Порошили снега,
Затяжные дожди моросили,
Много раз соловьи.
Возвещали о повой весне...
Ясноглазые парни —
Кристалльная совесть России —
Не дают мне стоять
От житейских забот в стороне.

А когда покачнусь
(И такое бывает порою),
Незаметно помогут,
Спокойно поддержат меня
Ясноглазые парни,
Которых военной сестрою
Мне пришлось бинтовать,
Довелось выносить из огня.

Продолжается жизнь.

И нельзя в стороне оставаться,
Потому что за мной
Боевым охраненьем стоят
Ясноглазые парни,
Которым навек восемнадцать —
Батальоны домой
Никогда не пришедших солдат.

БИНТЫ

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый.
А я должна присохшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем — так учили нас,
Одним движеньем — только в этом жалость...

Но, встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Пытаясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться — беда,
Да и ему лишь прибавляешь муки».
...Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не нужно рвать присохшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли...
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

* * *

Нужно думать о чем-то хорошем,
Чтоб не видеть плохого вокруг.
Верю — будет друзьями мне брошен,
Если надо, спасательный круг.

Нужно верить в хорошее, нужно!
Как молитву, твержу не впервой:
Есть одна лишь религия — Дружба,
Есть один только храм — Фронтовой.

Этот храм никому не разрушить,
Он всегда согревает солдат,
И в него в час смятения души,
Как замерзшие птицы, летят.

У ПАМЯТНИКА

Коктебель в декабре.

Нет туристов, нет гидов,

Нет дам, на жаре

Разомлевших от видов.

И закрыты ларьки,

И на складе буйки,

Только волны идут,

Как на приступ полки.

Коктебель в декабре.

Только снега мельканье,

Только трое десантников,

Вросшие в камень.

Только три моряка,

Обреченно и гордо

Смотрят в страшный декабрь

Сорок первого года.

ТРИ ПРОЦЕНТА

Вновь прошлого кинолента

Раскручена предо мной —

Всего только три процента

Мальчишек пришло домой..

Да, раны врачует время,

Любой затухает взрыв.

Но все—таки как же с теми

Невестами сороковых?
Им было к победе двадцать,
Сегодня им пятьдесят.
Украдкой они косятся
На чьих-то чужих внучат...

* * *

Все грущу о шинели,
Вижу дымные сны —
Нет, меня не сумели
Возвратить из Войны.

Дни летят, словно пули,
Как снаряды — года...
До сих пор не вернули,
Не вернут никогда.

И куда же мне деться?
Друг убит на войне,
А замолкшее сердце
Стало биться во мне.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДАМАНСКОМ

ЛИДИИ СТРЕЛЬНИКОВОЙ

Не плакала, не голосила —
Спасала других из огня.
— Как звать тебя? Может, Россия?
— Я — Лида. Так кличут меня...

Ах, Лидочки, Настеньки, Тани,
Сиянье доверчивых глаз!
Откуда в часы испытаний
Вдруг силы берутся у вас?

Так хочется счастья и мира!
Но ежели... нам не впервой...
Припала вдова командира
К планшетке его полевой.

Припала, губу закусила,
А плакать нельзя — ребятня...
— Как звать тебя? Может, Россия?
— Я — Лида. Так кличут меня.

Сквозь трудные слезы, сурово,
Любовью и гневом полны,
Вдове улыбаются вдовы
Великой священной войны...

ЗВЕЗДА

Земля позабудет не скоро,
А мы не забудем вовек,
Как русские парламентареры,
Сраженные, падали в снег.

Забыть ли, как раненых наших
Чужой добивает солдат —
Тот самый, которого раньше
Мы звали «товарищ» и «брат».

Мне сон одинаковый снится —
В тяжелом кошмаре, в бреду
Я вижу на шапке убийцы
Распятую нашу звезду...

ТОСТ

Бывает в людях качество одно,
Оно дано им или не дано —
Когда в горячке бьется пулемет,
Один лежит, другой бежит вперед.

И так во всем и всюду и всегда —
Когда на плечи свалится беда,
Когда за горло жизнь тебя возьмет,
Один лежит, другой бежит вперед.

Что делать? Видно, так заведено...
Давайте в рюмки разольем вино.
Мой первый тост и мой последний тост
За тех, кто в полный поднимался рост!

* * *

У дам в былое время на балу,
Чуть что не так, подкашивались ноги —
Красиво распласталась на полу,
Супруг, и друг, и прочие в тревоге.
Заботливо относят на диван,
И трут виски, и машут веерами...

Гремит артиллерийский ураган,
Комбат убит, а каждый третий ранен.
Сестре бы впору в обморок упасть
И хоть на миг, да ускользнуть от ада.
Но фронтовая Золушка опять
Ползет туда, где «правят бал» снаряды,
Где щедро льется кровь, а не вино,
Где ей навек остаться суждено...

НАТАЛЬЯ ПУШКИНА

И просто ли испить такую чашу —
Подругой гения
Вдруг стать в осмнадцать лет?..
Наталья Николаевна, Наташа,
И после смерти вам покоя нет!
Была прекрасна — виновата, значит:
Такое ясно каждому как день.
И негодуют, сетуют, судачат
И судят—рядят все, кому не лень.
А просто ли испить такую чашу?
И так ли весело и гладко шли
Дела у той, что сестры звала «Таша»,
А мы — великосветски! — «Натали»?
...Поэта носит по степям и хатам,
Он у Емельки Пугача «в плену».
Лишь спрашивает в письмах грубовато,
По—русски, по—расейски:
«Ты брюхата?» —
Свою великосветскую жену.
И на дворе на постоялом где—то
Строчит ей снова:
«Не зови, постой!»
И тянутся прелестницы к поэту,
И сам он, как известно, не святой...
Да, торопила — скоро роды снова.
Да, ревновала и звала домой.

Что этой девочке до Пугачева,
Когда порой хоть в петлю лезть самой?
Коль не любила бы —
Не ревновала.
В нее влюблялись? —
В том дурного нет.
А если льстило быть царицей бала —
Вот криминал
В осмнадцать, двадцать лет!
Бледна, тонка, застенчива —
Мадонна,
Как будто бы сошедшая с холста.
А сплетни, анонимки —
Все законно:
Всегда их привлекала красота.
Но повторять наветы нам негоже,
Забыли мы, что, уходя с земли,
Поэт просил Наташу не тревожить —
Оставим же в покое...
Натали.

ЧИТАТЕЛЬНИЦА

Тряхнула рыженькою челкой:
«У вас так много обо мне!»
Казалось, золотая пчелка
Вдруг зазвенела в тишине.

И, улыбнувшись пчелке рыжей
В джинсовой куртке голубой,
Сказала я: «Впервые вижу.
Смешная девочка, с тобой».

«Да, это так. Но как узнали
Про то, что ото всех таю, —
Мои тревоги и печали,
Любовь нескладную мою?»

Навстречу пчелке, нежность спрятав,
Я поднялась из-за стола:
«Лишь потому, что я когда-то
Смешною девочкой была».

ЧЕЛОВЕК

Человек всемогущ, словно бог,
Вечно в поиске, вечно в движенье.
Он боязнь высоты превозмог
И планеты родной притяженье.

До чего человек уязвим!
Балансирует вечно на грани:

Каждый камень, нависший над ним,
Может сдвинуться, грохнутья, грянуть.

Человек изворотлив, как черт,
Впрямь владеет он дьявольской силой —
Улыбаясь, к немилрой идет,
Улыбаясь, уходит от милой.

Как же слаб этот черт, этот бог!
Сколько раз от единого слова
Стать несчастным мгновенно он мог
И счастливым мог сделаться снова...

ОБМАНЩИКИ

Жеманная грусть менуэта,
И пудра, густая, как снег,
И фижмы, и мушки — это
Версаль, восемнадцатый век.
Кокетливый шепот фонтанов,
Под пуделя стриженный сад.
Здесь шпаги звенят д'артаньянов,
Здесь юбочки фрейлин шуршат.
Меняет король фавориток
Почаще, чем девок матрос.
Над верностью здесь открыто

Хохочет весь двор до слез.
Здесь верность из моды вышла,
Смешнее нет верных пар...
Ах, многое видел и слышал
Под пуделя стриженный сад.
Он видел — в ночи к супругу
Родная жена кралась:
Любили они друг друга,
Но моды всеильна власть...
Кокетливо шепчут фонтаны,
Подстриженный дремлет сад.
И шпаги гремят д'артаньянов,
И юбочки фрейлин шуршат.
Скользят, словно змеи, сводни,
И паж проскользнул, как уж...
Вот смеху—то — здесь сегодня
Жену обнимает муж!

ВОЛКИ

Волки бьются, как бьются люди —
Упиваются дракой всласть,
И сшибаются грудью с грудью,
И впиваются пастью в пасть.

Волки бьются глухою ночью,
В час предательств и катастроф.

Только шерсти взлетают клочья,
Только брызжет густая кровь.

Волки бьются за право власти,
Из—за самок и просто так.
Как капканы, стреляют пасти,
Оглушителен темп атак.

Но, когда тебя смерть приперла,
Ты на спину скорей ложись —
Подставляй, побежденный, горло,
Предлагай, побежденный, жизнь.

Победитель кипит от злобы,
Страшен взгляд, устремленный вниз.
Но еще не случилось, чтобы
Волк поверженного загрыз...

А ему лишь деревья — судьи
Да зайчишка косой вдали...
Эх, неплохо, когда бы люди
Этот волчий закон блюли.

* * *

Брожу, как в юности, одна
В глухих лесах, по диким склонам,
Где обнимает тишина
Меня объятием влюбленным,
Где отступает суета
И где за мною вместо друга,
Посвистывая, по пятам
Смешная прыгает пичуга,
Где два орла, как петухи,
Сцепившись, падают на тропку,
Где изменившие стихи
Опять стучатся в сердце робко.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Так было тихо, что казались,
Вдруг оглушившие меня,
Прыжки испуганного зайца
Тяжелым топотом коня.

Так было тихо, было тихо,
Что в предвесенней тишине
Смятенье и неразбериха,
Как волны, улеглись во мне.

Я знаю — скоро растворится
В душе последний тонкий лед,
Поскольку тенькают синицы:
— Зима прошла, весна идет!

В ЛЕСУ

Там, где полынью пахнет горячо,
Там, где прохладой тонко пахнет мята,
Ппульсировал безвестный родничок,
От глаз туристов зарослями спрятан.

И что ему судьба великих рек? —
Пусть лакомится еж водою сладкой!
...Давным—давно хороший человек
Обнес источник каменной кладкой.

Как маленький колодезь он стоял.
Порой листок в нем, словно лодка, плавал.
Он был так чист, так беззащитно мал,
Вокруг него так буйствовали травы!..

Однажды, бросив важные дела
И вырвавшись из городского плена,
Я на родник случайно набрела

И, чтоб напиться, стала на колена.

Мне родничок доверчивый был рад,
И я была такому другу рада,
Но чей-то вдруг почувствовала взгляд
И вздрогнула от пристального взгляда.

Сквозь воду, из прозрачной глубины,
Как будто из галактики далекой,
Огромны, выпуклы, удивлены,
В меня уставились два странных ока.

И тишина — натянутой струной.
Я даже испугалась на мгновенье.
То... лягушонок, худенький, смешной,
Увидел в первый раз венец творенья!

И вряд ли я забуду этот миг,
Хоть ничего и не случилось вроде...
Пulsирует ли нынче мой родник
И жив ли мой растерянный уродик?

Как жаль, что никогда я не пойму,
С улыбкой встречу вспоминая эту,
Какой же показалась я ему? —

Должно быть, чудищем с другой планеты!

СЕРГЕЮ

1

Ты умер, как жил —
На бегу, на лету,
С портфелем в руке,
С сигаретой во рту.
Наверно, в последнем
Секундном аду
Увидел себя
В сорок третьем году,
В пылающем танке,
В ревущем огне,
И, падая, понял:
Убит на войне...

2

Кто-то тихо шептал твое имя,
Кто-то выдохнул: «Значит, судьба...»
Холод лба под губами моими,
Смертный холод высокого лба.
Я не верю ни в черта, ни в бога,
Но молилась о чуде в тот час...
Что ж ты сделал, Сережа, Серега, —
Самый смелый и добрый из нас?

Как ты дал себя смерти осилить,
До зимы далеко не дойдя?..
Провожала поэта Россия
Ледяными слезами дождя.
Осень шла в наступление люто —
Вот–вот бросит на кладбище снег...
От прощального грома салюта
Лишь не вздрогнул один человек...

3

Я до сих пор поверить не могу,
Что ты на том — нездешнем берегу,
Куда слова мои не долетят,
И даже матери молящий взгляд,
И даже вскрик отчаянный жены
Теперь к тебе пробиться не вольпы...
Л я все так же, так же, видит бог,
Хватаю трубку, услышав звонок, —
Как будто бы из черной пустоты
Вдруг позвонить на землю
Можешь ты...

СЕВЕР

Скромный зяблик, как соловей,
Заливается на осине.
Из–под выгоревших бровей

Лето взор поднимает синий.

Им обласканная, стою,
А кузнечики как цикады...
Север, Север! Красу твою
Разве сравнивать с чем-то надо?

Да, конечно, прекрасен юг —
Блеск Кавказа, сиянье Крыма.
Только Север — как старый друг:
Незаметный, незаменимый...

«СВЕРХЧЕЛОВЕКИ»

«Сверхчеловеки»! Их немало
Меж нами, серыми людьми.
И человечество устало
От суперменов, черт возьми! —
От тех, кому ничто другие...
И мне поднадоели «те»,
И мне знакома ностальгия
По уходящей доброте.
И позабыть ли, как когда-то
Без гордых поз и громких слов
Вошли обычные солдаты
В легенды, в песни, в даль веков?

И суперменов клан надменный
Во всей красе раскрылся мне:
Когда иные супермены
Хвост поджимали на войне...

«ПОТОМ...»

Как стремителен жизни поток! —
И куда нам от Времени деться?
Никогда не бывает
«потом» —
Только в это не верится сердцу.

Жизнь начать собираясь вот-вот,
Не заметишь, что песенка спета:
Снег растает, весна промелькнет,
И закатится красное лето...

Все стремительней жизни поток.
Но единожды — экое дело! —
Вдруг поверишь: настало
«потом» —
Оказалось, что жизнь пролетела...

СТАРЕЮЩАЯ ЖЕНЩИНА

Стареющая женщина...

Как страшно —

Вздыхает, строит глазки, морщит нос.

На голове ее, подобно башне,

Сооружение из крашенных волос.

Она себе все мнится резвой птичкой,

Ровесницей своих же дочерей.

Она смешна,

Она же и трагична —

Несладко, если старость у дверей.

Не смейтесь, люди,

Не судите строго —

Пусть строит глазки, морщит носик,

Пусть...

Дай мужество мне, и. о. господь—бога,

С достоинством закончить женский путь!

* * *

Прекраснее прекраснейших поэм,

Ужаснее ужаснейших кошмаров,

Ты, наша жизнь, кончаешься ничем —

Неужто впрямь мы суетились даром?..

Умела не поддаться я врагу
И за друзей сражалась как умела,
Но что я сделать Пустоте могу? —
Одно лишь: до конца держаться смело.

* * *

Плесень трусости,
Ржа измены,
Вещевой лихорадки чушь —
Что там черные дыры вселенной
Перед черными дырами душ!..

Но и взлеты души —
Не басни:
Во вселенной во всей навряд
Ты разыщешь звезду прекрасней
Тех, что в наших глазах горят.

ЛИВЕНЬ

Бывает так, что ждешь стихи годами —
Их торопить поэту не дано...
Но хлынут вдруг, как ливень долгожданный,
Когда вокруг от засухи черно.

Стихи придут, как щедрый ливень лета,
Вновь оживут цветы и деревца.
Но снова засуха, вновь страх поэта,
Что никогда не будет ей конца...

* * *

Я музу бедную безбожно
Все время дергаю:
— Пстой!

Так просто показаться «сложной»,
Так сложно, музы, быть «простой».

Ах, простота! Она дается
Отнюдь не всем и не всегда...
Чем глубже вырыты колодцы,
Тем в них прозрачнее вода.

* * *

Поэт забронзовел —
Смешно!
Товарищ по окопам —
Странно!

Не каждому, видать, дано
Пройти сквозь испытанье саном.

Надменен глаз его прищур,
Во всем сановная усталость...
То усмехаюсь,
То грущу —
Что с ним,
Отличным парнем,
Сталось?

Поэт забронзовел —
Тоска! —
По лестнице чинов шагая.
И все слабей его рука,
Теряет золото строка —
За бронзу
Плата дорогая...

* * *

Не страшно, что похож на битла
Уже седеющий пиит, —
Беда, что слишком деловит он,
Локтями друга оттеснит.

Талант и деловитость? Странно!
О том историю спроси:

Лишь зарабатывали раны
Себе поэты на Руси...

ДЯДЯ ВАСЯ

Сначала он чинился для порядку —
Так издавна водилось на Руси,
Потом сдавался:
— Разве что с устатку,
Ну ладно уж, хозяйка, поднеси!

Со вкусом пил, брал не спеша закуску,
Хитро смотрел из-под нависших век —
Краснодеревщик дядя Вася, русский
Потомственный рабочий человек.

Я слушала его развесив уши.
Какая бы ни мучила тоска,
Всегда надежно врачевала душу
Расейская сердечность старика.

У человечества свои законы —
Уже берут нас роботы в тиски.
Но далеко машине электронной
До теплой человеческой руки!

И будет в царстве автоматов сладко —
Как некогда на дедовской Руси —
Вдруг услышать:
— Вот разве что с устатку,
Ну ладно уж, хозяйка, поднеси!

* * *

Во все века, всегда, везде и всюду
Он повторяется, жестокий сон, —
Необъяснимый поцелуй Иуды
И тех проклятии сребреников звон.

Сие понять — напрасная задача.
Гадают человечество опять:
Пусть предал бы (когда не мог иначе!),
Но для чего же в губы целовать?..

* * *

Хорошо молодое лицо —
Жизнь еще не писала на нем,
И своим не пахала резцом,
И своим не дышала огнем.
Больно время его обожжет,
Так же, как обжигало и нас.
Пусть упрямым останется рот,
Не погаснет сияние глаз,
Но добавится что-то еще —

Станут тоньше, духовней черты.

С этой грани начнется отсчет

Настоящей мужской красоты.

Да, тогда лишь придет Красота,

И теперь навсегда, до конца:

Красота не пустого холста —

Обожженного жизнью лица.

* * *

Легка. По–цыгански гордо

Откинута голова.

Техасы на узких бедрах,

Очерчена грудь едва.

Девчонка, почти подросток,

Но этот зеленый взгляд! —

Поставленные чуть косо

По–женски глаза глядят.

В них глубь и угроза моря,

В них отблеск грядущих гроз...

Со смуглою кожей спорит

Пшеничный отлив волос.

Легка, за спиною крылья —

Вот–вот над землей вспорхнет...

Неужто такими были

И мы в сорок первый год?..

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Пиджак накинул мне на плечи —
Кивком его благодарю.
«Еще не вечер, нет, не вечер!» —
Чуть усмехаясь, говорю.
А сердце замирает снова,
Вновь плакать хочется и петь.
...Гремит оркестра духового
Всегда пылающая медь.
И больше ничего не надо
Для счастья в предзакатный час,
Чем эта летняя эстрада,
Что в молодость уводит нас.
Уже скользит прозрачный месяц,
Уже ползут туманы с гор.
Хорош усатый капельмейстер,
А если проще — дирижер.
А если проще, если проще:
Прекрасен предзакатный мир!
И в небе самолета росчерк,
И в море кораблей пунктир.
И гром оркестра духового,
Его пылающая медь.
...Еще прекрасно то, что снова
Мне плакать хочется и петь.
Еще мой взгляд кого-то греет
И сердце молодо стучит.
Но вечереет, вечереет —
Ловлю последние лучи...

ДВОЕ

Сказал он:

— За все спасибо!

За вашего сердца лед,

За то, что об лед как рыба

Я бьюсь уж который год.

За ласковый, за вечерний,

За дружбы надежный свет,

За то, что ожесточенья

Во мне, нелюбимом, нет.

Она поцелуем быстрым

Коснулась его волос:

— Ох, если бы высечь искру

Из сердца мне удалось! —

А он усмехнулся, в синем

Табачном пlying дыму:

— Подобное не под силу,

Я думаю, никому...

Она опустила веки,

Чтоб скрыть невеселый взгляд.

...То было в двадцатом веке,

Так было сто лет назад...

* * *

Жестокость равнодушия — она
Страшнее, чем бетонная стена.
В кровь об нее мы расшибаем лбы —
Она не слышит попросту мольбы.
Стена из равнодушия — она
Не виновата в том, что холодна...

ЛЮБОВЬ

Опять лежишь в ночи, глаза открыв,
И старый спор сама с собой ведешь.
Ты говоришь:
— Не так уж он красив! —
А сердце отвечает:
— Ну и что ж!

Все не идет к тебе проклятый сон,
Все думаешь, где истина, где ложь...
Ты говоришь:
— Не так уж он умен! —
А сердце отвечает:
— Ну и что ж!

Тогда в тебе рождается испуг,

Все падает, все рушится вокруг.

И говоришь ты сердцу:

— Пропадешь! —

А сердце отвечает:

— Ну и что ж!

* * *

Прощай, командир. Уходи из вагона.

— Пора! — говорит проводник.

Я ласково руку кладу на погоны:

— Чего головою поник?

Целую холодные сжатые губы

Да ежик колючих волос.

...Заплачут ветров исступленные трубы,

«Прощай!» — закричит тепловоз.

Прощай же! Я жизни ничьей не разрушу...

(Как сложно устроен наш мир!)

Ты сильный. О слабых подумаем душах...

Пора уходить, командир!

Ну вот и конец. Вот и сдвинута глыба.

Боль позже очнется в груди...

Прощай, командир, и скажи мне «спасибо»

За этот приказ «уйди!».

ОСКОЛОК

Бывает так — почти смертельно ранит,
Но выживешь: выносив человек.
И лишь осколок — боль воспоминанья —
В тебе уже останется навек.

Навек... Нас друг от друга оторвало.
Кто знает, для чего и почему?
В груди осколок острого металла —
Скажи, привыкнуть можно ли к нему?

Не знаю, путь мой короток иль долог,
Не знаю, счастлив ли, несчастлив ты...
Болит осколок, так болит осколок,
Кровь снова проступает сквозь бинты.

* * *

Не встречайтесь с первою любовью,
Пусть она останется такой —
Острым счастьем, или острой болью,
Или песней, смолкшей за рекой.

Не тянитесь к прошлому, не стоит —
Все иным покажется сейчас...

Пусть навеки самое святое
Неизменным остается в нас.

* * *

Теперь не умирают от любви —
Насмешливая трезвая эпоха.
Лишь падает гемоглобин в крови,
Лишь без причины человеку плохо.

Теперь не умирают от любви —
Лишь сердце что-то барахлит ночами.
Но «неотложку», мама, не зови,
Врачи пожмут беспомощно плечами:
«Теперь не умирают от любви».

* * *

...И когда я бежать попыталась из плена
Глаз твоих, губ твоих и волос,
Обернулся ты ливнем и запахом сена,
Птичьим щебетом, стуком колес.

Все закрыты пути, все заказаны тропы —
Так за годом уносится год...
Я лечу в пустоту, перепутаны стропы —
Только дольше бы длился полет!

* * *

Ах, в серенькую птаху

Влюбился вдруг... орел!
Но ахай иль не ахай,
Он счастье в ней обрел.
Глядит не наглядится,
Не сводит круглых глаз
И, гордые орлицы,
Не замечает вас!

Не сводит глаз и тает...
Что в этой птахе есть?
Сия велика тайна,
Велика тайна есть...

* * *

Двери настезь, сердце настезь,
Прочь замки, долой засовы!
Я тебе желаю счастья —
Настоящего, большого!
Исцеляя и врачуя,
Пусть шагнет оно навстречу.
Так мучительно хочу я,
Чтобы ты расправил плечи!
Чтоб запели в сердце струны,
Те, что заглушили годы,
Чтобы снова стал ты юным,
И уверенным, и гордым —
Дерзкоглазым, бесшабашным,
Лейтенантом желторотым,
Тем, кто бросил в рукопашный

Батальон морской пехоты!
Кто потом, в парад Победы,
На брусчатке шаг печатал...
А еще могу поведать,
Как ты нравился девчатам!
Пусть идут в атаку годы,
Пусть испытано немало —
Не пора еще на отдых
Тем, кто вышел в генералы!

* * *

Есть праздники, что навсегда с тобой, —
Красивый человек, любимый город.
Иль где-нибудь на Севере — собор,
Иль, может, где-нибудь на Юге — горы.

К ним прикипела намертво душа,
К ним рвешься из житейской суматохи.
И пусть дела мои сегодня плохи,
Жизнь все равно — я знаю! — хороша.

Не говорите: — Далеко до гор! —
Они со мною на одной планете.
И где-то смотрит в озеро собор.
И есть красивый человек на свете.

Сознание этого острее, чем боль.

Спасибо праздникам, что навсегда с тобой!

* * *

Как объяснить слепому,
Слепому, как ночь, с рожденья
Буйство весенних красок,
Радуги наважденье?..

Как объяснить глухому,
С рожденья, как ночь, глухому,
Нежность виолончели
Или угрозу грома?..

Как объяснить бедняге,
Рожденному с рыбьей кровью,
Тайну земного чуда,
Названного «любовью»?..

МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ И ЦИКЛЫ

ЗИНКА

Памяти однополчанки — Героя Советского
Союза Зины Самсоновой

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет,
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый.
У меня лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле–еле.
Вдруг — нежданный приказ: «Вперед!»
Снова рядом в сырой шинели

Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.

Шли без митингов и знамен.

В окруженье попал под Оршей

Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,

Мы пробились по черной ржи,

По воронкам и буеракам,

Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.

Мы хотели со славой жить.

...Почему же в бинтах кровавых

Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью

Укрывала я, зубы сжав,

Белорусские ветры пели

О рязанских глухих садах.

...Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала.

НАДЕЖДА ДУРОВА И ЗИЗИ

Еще в ушах свистящий ветер сечи,
Еще больна горячкой боя ты,
Но снова чуть познабливает плечи
От позабытой бальной наготы.

Любезные неискренние лица —
Где полк, где настоящие друзья?
Тоска ли, дым в твоих глазах клубится?..
Но улыбнись, кавалерист–девица:
Гусару киснуть на балу нельзя!

И вот плывешь ты в тужельках парчовых,
Как будто бы не на твоём веку
Летели села в заревах багровых
И умирали кони на скаку.

Похоже, ты анахронизмом стала —
Двенадцатый уже не моден год...
А вот сама Зизи, царица бала,
К роялю перси пышные несёт.

Она пищит — жеманная кривляка,
Одни рулады, капли чувства нет!
Такая бы не только что в атаку,
Сестрою не пошла бы в лазарет.
Играет бюстом — нынче модно это —
И вызывает одобрение, света.

Ей, в декольте уставив глаз прицел,
Подвыпивший бормочет офицер:
— Есть родинка у ней, ну, просто чудо!

— Шалун, сие вы знаете откуда?
— А я скажу, коль нет ушей у стен,
Ей ныне покровительствует Н!
— Сам Н.? Но у нее ведь с М. роман! —
...В твоих глазах — тоска ли, дым, туман?
Ты, болтовне несносной этой внемля,
Вдруг почему-то увидала вновь,
Как падает на вздыбленную землю
Порубанная первая любовь —
Она была и первой и последней...
Уйти бы в полк, не слушать эти бредни!
Но ничего не может повториться,
На поле чести вечно спят друзья...
Играет голосом и персями певица,
Собою упоенная девица,
Пискавый ротик ей заткнуть нельзя...

Как тяжело в легких туфельках парчовых!
А может, впрямь не на твоём веку
Летели села в заревах багровых
И умирали кони на скаку?

Как тяжело в легких туфельках парчовых!..

ПАМЯТИ КЛАРЫ ДАВИДЮК

В июне 1944-го была принята последняя радиограмма Смирной — радистки Кима: «Следуем программе...» Под именем Кима в немецком тылу работал советский разведчик Кузьма Гнедаш, под именем Смирной — Клара Давидюк, москвичка с Новобасманной улицы.

ПРОЛОГ

Я в году родилась том самом,
Что и Клара.
Сто лет назад
Нас возили на санках мамы
В скромный Баумановский сад.

От вокзалов тянуло чадом,
Вдаль гудок паровозный звал,
Мы и жили почти что рядом,
Разделял нас один квартал.

В том московском районе старом
Каждый домик мне был знаком.
На Басманную часто, Клара,
Я ходила за молоком.

Ты напротив жила молочной,
Мы встречались не раз, не пять.
Если б знала я! Если б!..
Впрочем,
Что тогда я могла бы знать?..

НАЧАЛО

Застенчивость. Тургеневские косы.

Влюбленность в книги, звезды, тишину.

Но отрочество поездом с откоса

Вдруг покатилося с грохотом в войну.

«Не уходи!» — напрасно просят дома...

Такая беззащитная на вид,

В толпе других девчонок у райкома

Тургеневская девушка стоит.

И здесь тебя я видела, наверно,

Да вот запомнить было ни к чему.

Крутился времени жестокий жернов,

Шла школьница к бессмертью своему.

На нежных скулах отсветы пожара,

Одно желанье — поскорее в бой.

Вошла к секретарю райкома Клара

И принесла шестнадцать лет с собой.

И секретарь глядит, скрывая жалость:

«Ребенок. И веснушки на носу...»

Москва. Райком. Так это начиналось,
А в белорусском кончилось лесу.

КОНЕЦ

Предсказывая близкую победу,
Уже салюты над Москвой гремят,
А здесь идут каратели по следу,
Вот-вот в ловушку попадет отряд.
Такое было много раз и ране —
Не первый день в лесу товарищ Ким.
Но он сейчас шальнойю пулей ранен,
Ему не встать с ранением таким.
«Всем уходить!» — приказ исполнят Кима,
И только ты не выполнишь приказ,
И будешь в первый раз неумолима,
И будешь ты такой в последний раз.
Ким все поймет, но, зажимая рану,
Еще попросит: «Клара, уходи!»
Сжав зубы, девушка с пустым наганом,
Бледнея, припадет к его груди.
Потом, уже нездешними глазами
Взглянув в его нездешнее лицо,
Пошлет в эфир: «Мы следуем программе...»
И у гранаты выдернет кольцо...

ГОЛОС КЛАРЫ

Клару Давидюк и Кузьму Гнедаша похоронили вместе — в центре белорусского города Слоним.

Никогда и никто

Разлучить нас

Друг с другом

Не сможет.

Нас война повенчала

В солдатской могиле одной.

Кто за право быть вместе

Платил в этом мире дороже?

За него заплатили мы

Самой высокой ценой.

Каждый год по весне

К нам сбегаются маки, алея,

Полыхают тюльпаны,

Пионы сгорают дотла.

...Ни о чем не жалею,

Нет, я ни о чем не жалею —

Я счастливой была,

Я счастливою, мама, была!

ЭПИЛОГ

Уже смягчили боль десятилетия,

Лишь на Басманной так же плачет мать.

Шумят за окнами чужие дети,
Фронтовики приходят помолчать.

Еще доски мемориальной нету...

И все ж, пробившись через толщу лет,
Вдруг вспыхнуло звездой имя это
И в душах яркий прочертило след.

А я бессонной вспоминаю ночью,
Что мы встречались — и не раз, не пять.
Когда бы знала я тогда!..
Но, впрочем,
Что я тогда могла о Кларе знать?

ПРОЩАНИЕ

Тихо плакали флейты,
Рыдали валторны,
Дирижеру, что Смертью зовется,
Покорны.
И хотелось вдове,
Чтоб они замолчали, —
Тот, кого провожали,
Не сдался б печали.
(Он войну начинал
В сорок первом, комбатом,

Он комдивом закончил ее
В сорок пятом.)
Он бы крикнул, коль мог:
— Выше голову, черти!
Музыканты! Не надо
Подыгрывать смерти!
Для чего мне
Рапсодии мрачные ваши?
Вы играйте, солдаты,
Походные марши!

Тихо плакали флейты,
Рыдали валторны,
Подошла очень бледная
Женщина в черном.
Все дрожали, дрожали
Припухшие губы,
Все рыдали, рыдали
Военные трубы.
И вдова на нее
Долгим взглядом взглянула:
Да, конечно же,
Эти высокие скулы!
Ах, комдив! Как хранил он
Поблекшее фото
Тонкошей девчонки,
Связистки из роты.
Освещал ее отблеск
Недавнего боя

Или, может быть, свет,
Что зовется любовью.
Погасить этот свет
Не сумела усталость...
Фотография! Только она
И осталась.
Та, что дни отступленья
Делила с комбатом,
От комдива в победном
Ушла сорок пятом,
Потому что сказало ей
Умное сердце:
Никуда он не сможет
От прошлого деться —
О жене затоскует,
О маленьком сыне...
С той поры не видала
Комдива доныне.
И встречала восходы,
Провожала закаты
Все одна да одна —
В том война виновата...
Долго снились комдиву
Припухшие губы,
Снилась шейка,
Натертая воротом грубым,
И улыбка,
И скулы высокие эти...
Ах, комдив! Нет без горечи
Счастья на свете!..

А жена никогда
Ни о чем не спросила,
Потому что таилась в ней
Умная сила,
Потому что была
Добротою богата,
Потому что во всем
Лишь война виновата...

Чутко замерли флейты,
Застыли валторны,
И молчали, потупясь,
Две женщины в черном.
Только громко и больно
Два сердца стучали
В исступленной печали,
Во вдовьей печали...

КОНИ

1. В СОРОК ПЕРВОМ

Ночью — скорбное сиянье зарев:
«Мессеров» очередной налет...
Ну а в полдень на Цветном бульваре,
В цирке представление идет.

Клоуны, жонглеры, акробаты,
Через обруч прыгающий лев.
Школьники, ушедшие в солдаты,
Рты поразевали замерев.

И бомбежка и война забыты —
Как сияют детские глаза!
Вылетают на манеж джигиты,
Свищут шашки, падает лоза.

Ну а ночью, прямо с представленья,
Под оваций бешеный прибой
Конное ушло подразделение
Защищать свою столицу, в бой.

2. ВНУКИ ВОЙНЫ

Когда браконьерскою пулей
Был ранен вожак табуна,
Пред ним, умиравшим, мелькнули
Пожары, разрывы — война.
Не жил он в эпохе военной,
Откуда же помнит те дни?
Наверное, в памяти генной

Записаны были они.
И ржание, схожее с плачем,
И танков ревуший косяк...
Сражался в отряде казачьем
Дед крымских мустангов — дончак.
Земля под ногами пылала,
Душила угарная мгла.
Горячая капля металла
Хозяину сердце прожгла.
Упал человек под копыта,
Застыл, как стреноженный, конь.
По яйле, снарядами взрытой,
Скакал, торжествуя, огонь.
Лизал конь хозяину щеки
И плакал, не в силах помочь.
А после, хромя, зацокал
От взрывов и выстрелов прочь...

Бои откатились на Запад,
На яйлу легла тишина.
Казалось коню, что внезапно
Галопом умчалась война.
Останьтесь безмолвными, горы,
Пусть смертью не пахнут ветра!
...Стал сильным дончак и матерым,
Свободным и злым, как бора.
Давно перетерлась подпруга,
Давно от седла он отвык,
Давно с ним бок о бок подруга —

Такой же лихой фронтовик.
Уже через рвы и траншеи
С доверчивым ржаньем летят,
Высокие вытянув шеи,
Ватаги смешных жеребят.
...И разве же кто—нибудь в силе
Прогресса застопорить шаг?
Всех выпусков автомобиля
К Ай—Петри, пыхтя, спешат.
Туда, где бушуют травы,
Где, счастливы и вольны,
Плывут под луной величаво
Бесхозные внуки войны.
«Бесхозны, бесхозны, бесхозны» —
Как смертный звучит приговор,
И щупает яйлу грозно
Прожектора мертвый взор.
Коней ослепляют фары,
Гром выстрела, эхо скал.
Вожак, иноходец старый,
Споткнулся, качнулся, упал.
Пред ним, умиравшим, мелькнули
Пожары, разрывы, война.
А в ялтинский спящий улей
Спокойно вплыла луна...

ДЕТИ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

ТРИНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ [1]

Зловещая серость рассвета...

С героев Бородина

Срывают и жгут эполеты,

Бросают в огонь ордена!

И смотрит Волконский устало

На знамя родного полка —

Он стал в двадцать пять генералом,

Он все потерял к сорока...

Бессильная ярость рассвета.

С героев Бородина

Срывают и жгут эполеты,

Швыряют в костер ордена!

И даже воинственный пристав

Отводит от виселиц взгляд.

В России казнят декабристов,

Свободу и Совесть казнят!

Ах, царь милосердие дарит:

Меняет на каторгу смерть...

Восславьте же все государя

И будьте разумнее впредь!

Но тем, Пятерым, нет пощады!

На фоне зари — эшафот...

«Ну что ж! Нас жалеть не надо:

Знал каждый, на что он идет». Палач проверяет петли, Стучит барабан, и вот Уходит в бессмертие Пестель, Каховского час настает... Рассвет петербургский тлеет, Гроза громыхает вдали... О боже! Сорвался Рылеев — Надежной петли не нашли! О боже! Собрав все силы, Насмешливо он хрипит: «Повесить и то в России Не могут как следует! Стыд!..»

СЕРГЕЙ МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

Дитя двенадцатого года:
В шестнадцать лет — Бородино!
Хмель заграничного похода,
Освобождения вино.
«За храбрость» — золотая шпага,
Чин капитана, ордена.
Была дворянская отвага
В нем с юностью обручена.
Прошел с боями до Парижа
Еще безусый ветеран.
Я победителем вас вижу,

Мой капитан, мой капитан!
О, как мечталось вам, как пелось,
Как поклонялась вам страна!
...Но есть еще другая смелость,
Она не каждому дана.
Не каждому, кто носит шпагу
И кто имеет ордена, —
Была военная отвага
С гражданской в нем обручена:
С царями воевать не просто!
(К тому же вряд ли будет толк...)
Гвардеец Муравьев-Апостол
На плац мятежный вывел полк!
«Не для того мы шли под ядра
И кровь несла Березина,
Чтоб рабства и холопства ядом
Была отравлена страна!
Зачем дошли мы до Парижа,
Зачем разбили вражий стан?..»

Вновь победителем вас вижу,
Мой капитан, мой капитан!
Гремит полков российских поступь,
И впереди гвардейских рот
Восходит Муравьев-Апостол...
На эшафот!

«НЕУДАЧНИКИ»

...Вернули тех, кто в двадцать пятом
В Санкт—Петербурге, в декабре,
На площади перед сенатом
Войска построили в каре.
Теперь их горсточка осталась:
Сибирь и годы — тридцать лет!
Но молодой бывает старость,
Закат пылает как рассвет.
Непримиримы, непреклонны,
Прямые спины, ясный взгляд.
Как на крамольные иконы,
На старцев юноши глядят.
Нет, их не сшибли с ног метели,
Они не сбились в темноте.
Но почему так одряхлели
Их сверстники — другие, те,
Что тоже вышли в двадцать пятом
На площадь в злой декабрьский день,
Но после... Ужас каземата,
Громадной виселицы тень,
Бред следствия, кошмар допроса,
Надежды тоненькая нить.
Они сломились...
Все непросто,
И не потомкам их винить...
Ошибки юности забыты,
Пошли награды и чины.
Они сановники, элита,

Они в монарха влюблены!
Все больше ленточек в петлицах,
Не жизнь — блистательный парад!
Но отчего такие лица:
Увядший рот, погасший взгляд?
Ах, что с «удачниками» случилось?
Ответа нет, ответа нет...
А рядом молодая старость,
Закат, похожий на рассвет.

ЯЛУТОРОВСК

Эвакуации тоскливый ад —
В Сибирь я вместо армии попала.
Ялуторовский райвоенкомат —
В тот городок я топала по шпалам.
Брела пешком из доброго села,
Что нас, детей и женщин, приютило.
Метель осатанелая мела,
И ветер хвастал ураганной силой.
Шла двадцать верст туда
И двадцать верст назад —
Ведь все составы пролетали мимо.
Брала я штурмом тот военкомат —
Пусть неумело, но неумолимо.
Я знала — буду на передовой,
Хоть мне твердили:
— Подрасти сначала! —

И военком седою головой
Покачивал:
— Как банный лист пристала!
И ничего не знала я тогда
О городишке этом неказистом.
Ялуторовск — таежная звезда,
Опальная столица декабристов!..
Я видела один военкомат —
Свой «дот», что взять упорным штурмом надо.
И не заметила фруктовый сад —
Веселый сад с тайгой хмурой рядом.
Как так? Мороз в Ялуторовске крут
И лето долго держится едва ли,
А все—таки здесь яблони цветут —
Те яблони, что ссыльные сажали!..

Я снова здесь, пройдя сквозь строй годов,
И некуда от странной мысли деться:
Должно быть, в сердцевинах тех стволов
Стучат сердца, стучит России сердце.
Оно, конечно, билось и тогда
(Хотя его и слыхом не слыхала),
Когда мои пылали города,
А я считала валенками шпалы.
Кто вел меня тогда в военкомат,
Чья пела кровь и чьи зывали гены?
Прапрадеды в земле Сибири спят,
Пред ними преклоняю я колена.

ЭПИЛОГ

Предутренный, серебристый,
Прозрачный мой Ленинград!
На площади Декабристов
Еще фонари горят.
А ветер с Невы неистов,
Проносится вихрем он
По площади Декабристов,
По улицам их имен...

АДЖИМУШКАЙ

СВЕТЛЯЧКИ

Вначале, случилось, пели,
Шалили, во тьме мелькая,
Вы, звездочки подземелий,
Гавроши Аджимушкая,
Вы, красные дьяволята,
Вы, боль и надежда старших...
И верили дети свято,
Что скоро вернутся наши.
— В каком же ты классе?
— В пятом.

Мне скоро уже двенадцать! —
...При этих мальчиках солдату
Отчаянью можно ль сдаться?
Да, стали вы светлячками
Подземного гарнизона.
...Мрак. Жажда. Холодный камень.
Обвалы. Проклятья. Стоны.
И меньше живых, чем мертвых,
Осталось уже в забоях...
«Эх, если б в районе порта
Послышался грохот боя!
Мы наших сумели б встретить,
Ударили б в спину фрицам!»
Об этом мечтали дети,
Еще о глотке водицы,
О черном кусочке хлеба,
О синем кусочке неба.
Спасти их мы не успели...
Но слушайте сами, сами:
Наполнены подземелья
Их слабыми голосами.
Мелькают они по штольням
Чуть видными светлячками.
И кажется, что от боли
Бесстрастные плачут камни...

«КИПИТ НАШ РАЗУМ ВОЗМУЩЕННЫЙ...»

Что разум? Здесь любой бессилён разум...

Жил, как всегда, подземный гарнизон.

И вдруг тревога, крики: «Газы, газы!»

И первый вопль, и последний стон.

Ещё такого не было на свете —

Забыть, забыть бы сердцу поскорей,

Как задохнулись маленькие дети,

За мертвых уцепившись матерей...

Но не слабела яростная вера

И разум возмущенный закипал —

Уже хрипя, четыре офицера,

Обнявшись, пели «Интернационал».

Полз газ. И раненые сбились тесно,

И сестры не могли спасти им жизнь.

Но повторял радист открытым текстом:

— Всем! Всем!

Аджимушкайцы не сдались!

КАМЕННОЕ НЕБО

Землянин этот был рожден для неба,

В курносом мальчике Икара кровь текла.

Страсть к высоте — неизлечимый недуг,
Два дерзких, к солнцу рвущихся крыла.

Аэроклуб. Вторая мировая.

Под Керчью сбили — прыгал, как в бреду.

Потом в подземный ад Аджимушкай

Ушел, отстреливаясь на ходу.

И потянулась то ли быль, то ль небыль,

Шли дни, а может, и столетья шли.

Над ним сомкнулось каменное небо,

Икар стал вечным узником земли.

Но в смертный час, в последнюю минуту,

Он так свои худые руки сжал,

Так вывернул, уверенно и круто,

Как будто в них и вправду был штурвал...

ФЛАГ

...И когда остались единицы

(Пусть уже скорее душ, чем тел),

Сладкий женский голос хитрой птицей

Вдруг над катакомбами взлетел:

— Русские! Мы вашу храбрость ценим,

Вы Отчизны верные сыны,
Но к чему теперь сопротивление?
Все равно яге вы обречены.
Лишней крови проливать не нужно,
Сдайтесь, сделайте разумный шаг.
В знак, что вами сложено оружие,
Выставить должны вы белый флаг. —
Обещало пение сирены
Людам жизнь, залитый солнцем мир....
Почему нащупывает вены
На худых запястьях командир?
Почему вокруг он взглядом шарит,
Странным взглядом воспаленных глаз?
— Отыщите в лазарете марлю,
Слушайте последний мой приказ! —
Тихо–тихо в катакомбах стало,
В ожиданье тоже замер враг...
И пополз он к небу, алый–алый,
Свежей кровью обогранный стяг.

ЭЛЬТИГЕНСКИЙ ДЕСАНТ

Здрав свои техасы до колен,
На кромке пляжа девочки хохочут.
Но вижу я курортной этой ночью
Здесь «Огненную землю» — Эльтиген.
И снова слышу: «На прорыв, к Керчи!»
...А как же с теми, кто не может — ранен?..

(Пришел за ними тендер из Тамани,
Но был потоплен в дьявольской ночи.)
И значит, все: закон войны суров...
Десант прорваться должен к Митридату!
...Из компасов погибших катеров
Сливает спирт девчушка из санбата,
Хоть раненым теперь он ни к чему,
Хоть в этот час им ничего не надо.
В плену бинтов, в земляночную тьму
Они глядят настороженным взглядом:
Как это будет — стук сапог и «хальт!»?..
(Пробились ли ребята к Митридату?)
И, как всегда, спокойна и тиха,
Берет сестра последнюю гранату...

ШТУРМ МИТРИДАТА

О горе Митридата слагали легенды и оды —
Усыпальницы, храмы, дворцы, хороводы владык...
Я рассеянно слушаю бойкого экскурсовода,
А в ушах у меня нарастающий яростный крик.

Это грозной «полундрой»
Матросов на штурм Митридата
Молодой политрук поднимает опять и опять,
Это с хриплым «ура!»
К ним бегут на подмогу солдаты.

Лишь молчат катакомбы —

Не могут погибшие встать.

Не дождались они...

Только мрак да тяжелые своды,

Только в каждом углу притаилась угрюмо война...

Я рассеянно слушаю бойкого экскурсовода,

А в ушах у меня тех святых катакомб тишина.

НА ПЛЯЖЕ

Подтянутый, смуглый, в шрамах,

В глазах затаенный смех,

Держался на редкость прямо,

Казался моложе всех.

Казался юнее юных,

Хоть стали белеть виски.

...Норд-ост завихрял буруны,

Норд-ост разметал пески.

Смотрел человек на скалы,

И смех уходил из глаз —

Одна я, быть может, знала,

Что он далеко сейчас.

На пляже, где для печали,

Казалось бы, места нет,

Не волны его качали,

А память сгоревших лет.

В кипящие волны эти
Он тело свое бросал
Так, словно свежел не ветер —
Крепчал пулеметный шквал.
Как будто навстречу трассам,
С десанниками, впервой
Он прыгал опять с баркаса
С винтовкой над головой...

МИР ПОД ОЛИВАМИ

Здесь в скалы вцепились оливы,
Здесь залпы прибоя гремят...

— Вы живы, ребята?

— Мы живы,
Прости нас за это, комбат!
Вот здесь, под оливой, когда-то
Упал ты у самой волны...

— Себя не вините, солдаты:
Не всем возвращаться с войны...
Оно, вероятно, и так-то,
Но только опять и опять

Вдруг сердце сбивается с такта,
И долго его не унять,
Когда про десантные ночи
Напомнит ревуший бора.
Забудешь ли, если и хочешь,
Как тонут, горя, катера?
Еще и сегодня патроны
Выносит порою прибой...
Прости, что тебя, батальонный,
Прикрыть не сумели собой!
...Да, мир под оливами ныне,
Играет дельфиний народ,
С динамиком в синей пустыне
Проголочный катер плывет,
Рыбачие сушатся сети,
У солнца сияющий взгляд...

Здесь целое тридцатилетье
Лишь залпы прибоя гремят!

ИЗ СИЦИЛИЙСКОЙ ТЕТРАДИ

ТЕРРОМОТО — ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Я это слово грозное вчера
В «Паэзе сера» встретила впервые —

Я, женщина, которую «сестра»
Звала Россия в годы фронтовые.
Я дочь войны, я крови не боюсь —
Веками кровью умывалась Русь.
Сицилия! Тревожные костры
И беженцев измученные лица.
Стон раненых... И сердце медсестры
Во мне больнее начинает биться.
Стон раненых. Он всем понятен сразу,
Все стонут на едином языке —
В горах Сицилии, в горах Кавказа,
С винтовкой иль мотыгою в руке.
Сицилия! Прекрасен и суров
Твой лик, преображенный терромото.
А в небе — шпаги двух прожекторов,
А на земле — карабинеров роты.
Как на войне... И нет лимонных рощ,
И гаснет южное великолепье.
И кажется, что наш, расейский дождь,
По кактусам и мандаринам лепит...

* * *

Опять приснилось мне Кастельветрано...
Пишу, читаю ли, сижу ль в кино,
Болит во мне Сицилия, как рана,
Которой затянуться не дано.

Ознобными туманами повиты,
Сединами снегов убелены,

Руины скорбной Оанта—Маргериты,
Дымясь, мои заполонили сны.

И снова пальм полузамерзших гривы
На ледящем мечутся ветру.
Оборваны последние оливы —
Что будут есть детишки поутру?..

Вот Санта-Нинфа. Под открытым небом
Здесь городок отчаянья возник.
И вдруг сюда, с палатками и хлебом,
Ворвался наш, советский грузовик.

За ним другой. Через минуту третий.
Влетели, как архангелы, трубя.
Кричали женщины, плясали дети,
Меня за полы шубы теребя.

«Твой самолет к нам прилетел в Палермо!»
Твердили люди, слезы не тая.
А я? Я тоже плакала, наверно...
О Русия, о Русия моя!

Палатки расправляли торопливо
Над лагерем упругие крыла.

Делили хлеб. И я была счастлива,
Как никогда, быть может, не была...

* * *

Что же это за наваждение:
Мало памяти фронта мне?
Терромото — землетрясение
Вижу каждую ночь во сне.

Снова горы, тумана вата,
Визг резины да ветра свист.
За баранкою вы — сенатор,
Сын Сицилии, коммунист.

«Коммунисты, на терромото!» —
Этот лозунг гремел везде.
...Нереальное было что-то
В краткой встрече, в ночной езде.

Будто вновь сквозь тумана вату
По дорожке по фронтовой
Я на «виллисе» мчусь с комбатом
К раскаленной передовой...

ИЗ СЕВЕРНОЙ ТЕТРАДИ

В ТУНДРЕ

Ни кустика, ни селенья,
Снега, лишь одни снега.
Пастух да его олени —
Подпиленные рога.
Смирны, как любое стадо:
Под палкой не первый год.
И много ли стаду надо?
Потуже набить живот.
Век тундру долбят копытцем
И учат тому телят...
Свободные дикие птицы
Над ними летят, летят.
Куда перелетных тянет
Из тихих обжитых мест?
На северное сиянье?
А может, на Южный Крест?..
Забывшие вкус свободы,
Покорные, как рабы,
Пасутся олени годы,
Не зная иной судьбы.
Возможно, оно и лучше
О воле забыть навек?
Спокойней. Хранит их чукча —
Могущественный человек.
Он к ним не подпустит волка,
Им ягель всегда найдет.

А много ль в свободе толка?
Важнее набить живот.
Ни кустика, ни селенья.
Сменяет пургу пурга.
Пастух да его олени —
Подпиленные рога.
И вдруг не понять откуда,
И вдруг неизвестно как
Возникло из снега чудо —
Красавец, дикарь, чужак.
Дремучих рогов корону
Откинув легко назад,
Стоял он, застыв с разгону.
В собратьев нацелив взгляд.
Свободный, седой и гордый,
В упор он смотрел на них.
Жевать перестали морды,
Стук жадных копыт затих.
И что-то в глазах мелькнуло
У замерших оленух,
И, как под ружейным дулом,
Бледнел и бледнел пастух.
Он понял: олени, годы
Прожившие как рабы,
Почуяли дух свободы,
Дыханье иной судьбы...
Высокую выгнув шею,
Откинув назад рога,
Приблизился к ним пришелец
На два или три шага.

Сжал крепче винтовку чукча
И крикнул: «Назад иди!»
Но вырвался рев могучий
Из мужественной груди.
Трубил он о счастье трудном —
О жизни без пастуха,
О том, как прекрасна тундра,
Хоть нет в ней порою мха.
О птицах, которых тянет
Из тихих обжитых мест
На северное сиянье,
На призрачный Южный Крест.
Потом, повернувшись круто,
Рванулся чужак вперед.
Олени за ним. Минута,
И стадо совсем уйдет.
Уйдет навсегда, на волю...
Пастух повторил: «Назад!»
И, сморщившись, как от боли,
К плечу приложил приклад...
Споткнувшись и удивленно
Пытаясь поднять рога,
Чужак с еле слышным стоном
Пошел было на врага.
Но, медленно оседая,
На снег повалился он.
Впервой голова седая
Врагу отдала поклон.
Не в рыцарском поединке,
Не в битве он рухнул ниц...

А маленький чукча льдинки
С белесых снимал ресниц.
И думал: «Однако, плохо.
Пастух я, а не палач...»
Голодной лисицы хохот,
Срывающийся на плач.
Сползает на тундру туча.
А где-то светло, тепло...
Завьюжило. Душу чукчи
Сугробами замело...
Назад возвратилось стадо
И снова жует, жует.
И снова олешкам надо
Одно лишь — набить живот...
Ни кустика, ни селенья,
Снега, лишь одни снега.
Пастух да его олени —
Подпиленные рога.

В ТАЙГЕ

Кто видал енисейские дали,
Тот о них не забудет нигде...
А деревья вокруг умирали,
Умирали по пояс в воде.

Почернели, листва облетела.

Запах тлена и мертвый плеск...
Кто-то трезвый, могучий, смелый
Порешил затопить здесь лес.

И боролись за жизнь великаны,
Хоть была неизбежной смерть.
Было больно, и страшно, и странно
На агонию эту смотреть.

Было больно. И все-таки взгляда
Я от них не могла отвести,
Мне твердили: «Так нужно, так надо.
Жаль, но нету другого пути.

Что поделаешь? Жизнь жестока,
И погибнуть деревья должны,
Чтоб кровинки веселого тока
Побежали по венам страны.

Чтоб заводы в тайге загудели,
Чтоб в глуши прозревали дома».
Я кивала: «Да, да, в самом деле,
Это я понимаю сама».

...А деревья вокруг умирали,

Умирали по пояс в воде.

И забудешь о них едва ли —

Никогда, ни за что, нигде...

* * *

Сидели у костра, гудели кедры.

Метались то ли искры, то ли снег.

И был со мною рядом злой и щедрый,

Простой и очень сложный человек.

В который раз я всматривалась снова

В глаза с прищуром, в резкие черты.

Да, было что-то в нем от Пугачева,

От разинской тревожной широты.

Такой, пожалуй, может за борт бросить,

А может бросить все к твоим ногам...

Не зря мне часто снится эта проседь,

И хриплый голос, и над бровью шрам.

Плывут, качаясь, разинские струги —

Что ж, сон как сон: немного смысла в нем...

Но в том беда, что потайные струны

Порой занюют в сердце ясным днем.

И загудят в ответ с угрозой кедры,

Взметнутся то ли искры, то ли снег.
Сквозь время улыбнется зло и щедро
Простой и очень сложный человек.

МОЙ ОТЕЦ

Нет, мой отец погиб не на войне —
Был слишком стар он, чтобы стать солдатом.
В эвакуации, в сибирской стороне,
Преподавал он физику ребятам.

Он жил как все. Как все, недоедал.
Как все, вздыхал над невеселой сводкой.
Как все, порою горе заливал
На пайку хлеба выменянной водкой.

Ждал вести с фронта — писем от меня,
А почтальоны проходили мимо...
И вдалеке от дыма и огня
Был обожжен войной неизлечимо.

Вообще—то слыл он крепким стариком —
Подтянутым, живым, молодцеватым.
И говорят, что от жены тайком
Все обивал порог военкомата.

В Сибири он легко переносил
Тяжелый быт, недосыпанье, голод.
Но было для него превыше сил
Смиряться с тем, что вновь мы сдали город.

Чернел. А в сердце ниточка рвалась —
Одна из тех, что связывают с жизнью.
(Мы до конца лишь в испытанья час
Осознаем свою любовь к Отчизне.)

За нитью — нить. К разрыву сердце шло.
(Теперь инфарктом называют это...)
В сибирское таежное село
Вползло военное второе лето.

Старались сводки скрыть от старика,
Старались — только удавалось редко.
Информбюро тревожная строка
В больное сердце ударяла метко.

Он задыхался в дыме и огне,
Хоть жил в Сибири — в самом центре тыла.
Нет, мой отец погиб не на войне,
И все—таки война его убила...

Ах, если бы он ведать мог тогда
В глухом селе, в час отступленья горький,
Что дочь в чужие будет города
Врываться на броне тридцатьчетверки!

* * *

Патефон сменяла на пимы —
Ноги в них болтаются как спички.
...Обжигает стужа той зимы,
Той — невыносимой для москвички.

Я бегу вприпрыжку через лес,
Я почти что счастлива сегодня:
Мальчик из спецшколы ВВС
Пригласил на вечер новогодний!

Навести бы надо марафет,
Только это трудновато ныне —
Никаких нарядов, ясно, нет,
Никакой косметики в помине.

Нету краски для бровей? Пустяк!
Можно развести водою сажу.
Пудры нету? Обойдусь и так!
Порошком зубным свой нос намажу.

...Вот уже мелодии река
Повела, качнула, завертела.
Мальчугана в кителе рука
Мне легла на кофточку несмело.

Я кружусь, беспечна и светла,
Вальс уносит от войны куда-то.
Я молчу, что наконец пришла
Мне повестка из военкомата...

«КОМАРИК»

Памяти космонавта Владимира Комарова

Это после он будет оплакан страной
И планета им станет гордиться.
А покуда спецшколу проклятой войной
Под Тюмень занесло из столицы.

Лишь потом это имя в анналы войдет,
Больно каждого в сердце ударит.
А пока Комарова спецшкольников взвод
Величает «Володька-комарик».

Комсомольский билет, да четырнадцать лет,
Да пожар, полыхающий в мире.
У спецов горячее желания нет,
Чем на фронт драпануть из Сибири.

Малолетство они почитали бедой,
Ратным подвигом бредили дети.
И откуда им знать, что падучей звездой
Их «комарик» умчится в бессмертье?

Это будет потом — звездный час, звездный свет,
После — весть, леденящая душу...
А пока только тыл, да четырнадцать лет,
Да мороз, обжигающий уши.

У пилотки бы надо края отогнуть,
Подпоясать шинелишку туго.
Но задумался мальчик. Быть может, свой путь
Видит он сквозь сибирскую вьюгу...

В ШУШЕНСКОМ

* * *

И вижу я внутренним взором
Церковную узкую дверь.

Мне жаль этой церкви, которой
Нет в Шушенском больше теперь.

Двух ссыльных в той церкви венчали —
Давно это было, давно.
Царапались мыши, стучали
Кедровые лапы в окно.

И вижу я внутренним зреньем,
Как пристально, из-под очков,
В потрепанной рясе священник
Взирает на еретиков —

Веселых, не верящих в бога,
Бунтующих против царя...
Так пусто, темно и убого,
Так холодно у алтаря.

Мигают оплывшие свечи,
Свисает с иконы паук.
Мерцание медных колечек,
Застенчивость девичьих рук...

Я много бродила по свету,
Все, может быть, только затем,

Чтоб встретить на Севере эту
Песнь песен, поэму поэм.

И все—таки встречи не будет —
Ту церковь снесли, говорят...
Чего не придумают люди —
Не ведают, знать, что творят...

За лесом туманятся горы,
Синеет Саянский хребет.
Вхожу я в ту церковь, которой
В сегодняшнем Шушенском нет.

* * *

А такое и вправду было,
Хоть и верится мне с трудом:
Кто—то начал со страшной силой
Украшать этот бедный дом.

«Что, мол, нам экскурсанты скажут?
Все должно быть на высоте!»
И повесили люстру даже
Расторопные люди те.

И портьеры (что подороже!)
Стали здесь «создавать уют»,

И слоны из пластмассы — боже! —
Протоптали дорожку тут.

И центральное отопленье
Провели за рекордный срок —
Как, простите, товарищ Ленин
В ссылке жить без комфорта мог?..

Штукатурили в доме бревна,
У крыльца развели цветник...
И тогда, оскорбившись кровно,
Правда свой отвернула лик.

Стало в доме фальшивым что-то,
Сразу свой потеряло вес...
Годы шли, как на приступ роты, —
Соскребали мы позолоту,
Бутафорский снимали блеск.

Нынче в доме, где ссыльный Ленин
Прожил несколько долгих лет,
Нет центрального отопленья
И сверкающей люстры нет.

Пахнут бревна смолою снова,

Никаких нет на окнах штор.

...Запах времени! Дух бывшего!

Как волнует он до сих пор...

Нас изба привечает скромно,

Ветры времени в ней сквозят.

Так мала она! Так огромна —

Даже в сердце вместить нельзя.

* * *

Я навек поняла отныне,

Стало в Шушенском ясно мне:

Людям надобно со святыней

Оставаться наедине.

Помолчать, грохот сердца слыша,

Не умом, а душой понять:

Здесь он жил, вот под этой крышей,

Эта койка — его кровать.

Здесь невесте писал про Шушу,

Здесь морщинки легли у рта...

Я хочу тишину послушать,

А при людях она не та.

И когда все уйдут отсюда,

И затихнет людской прибой,
Я немного одна побуду —
Я побуду, Ильич, с тобой...

Примечания

1

В этот день повесили пятерых декабристов и свершили обряд гражданской казни над остальными.